

УДК 1 (4/9)

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ЯЗЫКА: РАЗМЫШЛЕНИЯ Л. ВИТГЕНШТЕЙНА И М. ХАЙДЕГГЕРА

© Николай Владимирович МЕДВЕДЕВ

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, доктор философских наук, профессор,
зав. кафедрой философии и методологии науки, e-mail: philosophy.tsu@mail.ru

Реконструируются способы решения онтологической проблемы сущности языка, предложенные выдающимися мыслителями XX в. Л. Витгенштейном и М. Хайдеггером. Компаративный анализ показывает, что Л. Витгенштейн и М. Хайдеггер смогли открыть и философски обосновать функциональную значимость трех различных измерений языка – формально-логического, обыденного и поэтического, – каждое из которых раскрывает нам возможные границы онтологии мира. Понимание поздним Л. Витгенштейном природы и назначения обыденного языка вполне согласуется с рассуждениями позднего М. Хайдеггера о поэзии как онтологическом основании лингвистического феномена. Утверждается, что разочаровавшись в эксплицирующих возможностях формальной логики относительно прояснения сущности языка, Л. Витгенштейн и М. Хайдеггер пересмотрели свою раннюю позицию. Однако итог проведенного ими переосмысления был различным. Если Л. Витгенштейн пришел к твердому убеждению, что обыденный язык есть своего рода метаязык и что именно через анализ употребляемых слов обыденного языка в разных социальных контекстах можно придти к правильному пониманию их значения, то М. Хайдеггер продвинулся дальше этого и обнаружил сущность языка поэзии. В результате *логика*, *обыденный язык* и *поэзия* могут рассматриваться как три автономных, самодостаточных уровня работы языка, где каждый последующий уровень оказывается более значимым по отношению к предыдущему уровню. Все три уровня функционирования языка, выделенные этими мыслителями, должны быть синтезированы в нашем сознании, поскольку они взаимно дополняют друг друга. Лишь при этом условии мы способны правильно понять онтологическую природу языка и его назначение.

Ключевые слова: Л. Витгенштейн; М. Хайдеггер; сущность языка; онтология мира; логика; поэзия; обыденный язык.

Важной темой сравнительного анализа философских воззрений двух выдающихся мыслителей XX столетия – Людвига Витгенштейна и Мартина Хайдеггера – является понимание природы языка [1, р. VI]. По словам К.-О. Апеля, сходство обоих мыслителей подтверждается их всемирным влиянием и очевидной сегодня конвергенцией их мышления [2, р. 122]. Правильное решение проблемы языка – его происхождение, сущность, функции, связь с миром – даст нам возможность, с одной стороны, избавиться от навязчивых метафизических проблем, «устраняя недоразумения, связанные с употреблением слов в языке» (Л. Витгенштейн), с другой – постичь подлинный «смысл бытия сущего» (М. Хайдеггер). В представленной статье реконструируются способы решения онтологической проблемы сущности языка, предложенные Л. Витгенштейном и М. Хайдеггером. Эти способы обусловлены в значительной степени их особым подходом к предмету философии. Я постараюсь показать, что оба мыслителя смогли открыть и фило-

софски обосновать функциональную значимость трех различных измерений языка – формально-логического, обыденного и поэтического, – каждое из которых раскрывает нам возможные границы онтологии мира.

Витгенштейн: от логики к обыденному языку

В своем раннем произведении «Логико-философский трактат» (1921 г.) [3], Л. Витгенштейн заявляет, что «язык переодевает мысли», причем настолько, что люди не в состоянии непосредственно извлечь из него логику языка. Данное обстоятельство, по мнению Л. Витгенштейна, служит причиной возникновения фундаментальных заблуждений, которыми переполнена вся классическая философия. Для того чтобы раз и навсегда покончить с подобными рода затруднениями, необходимо построить искусственный язык, формы высказываний которого будут соответствовать строгим правилам логического исчисления. Такой язык предстает как идеал точности, поскольку внешняя и внутренняя формы языковых выражений в нем совпада-

ют. Правда, даже такой идеальный язык будет выполнять прежде всего денотативную функцию и оставаться фактуальным языком, которым оперирует современное естествознание. Однако, согласно Л. Витгенштейну, фактуальный язык науки не затрагивает решения ключевых вопросов этики, эстетики и религии, т. е. тех областей, которые составляют экзистенциальную основу бытия человека.

В процессе мировоззренческой эволюции теоретические воззрения Л. Витгенштейна о языке претерпели глубокую трансформацию. Так, австрийский мыслитель отрёкся от своего раннего представления о языке как жестко структурированном механизме. Он заново переосмыслил роль символической логики, определяемую им прежде как главный источник понимания природы языка. Гомогенности логического пространства Л. Витгенштейн предпочел в поздний период своего творчества гетерогенную характеристику обыденного языка, открываемую нами через разнообразные случаи употребления слов и языковых выражений. Вместе с тем он отбросил традиционный взгляд на философию как теоретическую деятельность, воспаряющую над повседневной сферой жизни людей. Именно в потоке жизни, считает австрийский мыслитель, слова обретают свое реальное значение и концептуальное содержание. С этого момента Л. Витгенштейн постоянно подчеркивает деятельностную природу философии, ее практическую направленность. Целью философии, считает он, является устранение концептуальных замешательств и достижение ясности в понимании смысла слов и выражений в процессе межличностной коммуникации.

Хорошо известно, что усилия представителей классической философии (например, Р. Декарта, Б. Спинозы, Г.В. Лейбница) зачастую были направлены на выявление вечных метафизических сущностей, определяющих порядок, структуру объективной реальности. Согласно классической философской традиции, обыденный язык имеет своей основой априори неподдающиеся категориальному анализу, принимаемые нами на веру чистые сущности. Так, у Платона роль подобных сущностей выполняют вечные, неизменные идеи, у И. Канта – категории рассудка, у «раннего» Л. Витгенштейна – «простые имена», обозначающие объекты

мира. Если какой-либо философ обращает свои интеллектуальные усилия на познание метафизических сущностей, то он неизбежно превращается в критика языка. Сократ был философом именно в этом смысле. К этой же философской традиции принадлежит и автор «Логико-философского трактата», в котором философ-профессионал изображается как критик языка, а целью его умозрительной деятельности становится выявление условий и возможностей для формирования «идеального языка», с помощью которого можно измерять адекватные характеристики значения слов.

Критика «поздним» Л. Витгенштейном в «Философских исследованиях» (1953 г.) [4] классической философии есть своего рода инверсия платоновского убеждения, будто основание нашего языка заключено в каком-то особом, более «высоком», «совершенном», «идеальном» пространстве. Л. Витгенштейн словно спускает наше сознание с небес на землю, прямо заявляя, что «каждое предложение нашего языка «уже в том виде, как оно есть, – в порядке» [4, с. 125], оно обладает вполне безупречным смыслом. Переворот, произошедший в мировоззрении Л. Витгенштейна относительно природы языка, его связи миром, привел к необходимости решать непростую задачу, а именно, – обосновать не столько логику нашего обыденного языка, сколько собственное метафизическое употребление языка. Но объяснить – значить указать то основание, которое само должно быть обосновано. Вместе с тем подлинным и единственным порождающим основанием для любых наших высказываний, по мнению Л. Витгенштейна, является обыденный язык. Здесь мы попадаем в ситуацию, когда знание должно опираться на веру, обращенную к несомненному опыту повседневности. Чтобы свести слова от метафизического способа употребления к их первоначальному употреблению, нужно обратиться к прояснению основания естественного языка, которое лежит и обнаруживает себя в непрерывном потоке повседневной человеческой жизни. Сфера употребления нашего обыденного языка принимается Л. Витгенштейном за естественное и единственно приемлемое основание. Оно не поддается никакой верификации (эмпирической проверке) и внешней критике.

Следует также отметить, что понимание Л. Витгенштейном природы лингвистического феномена во многом детерминировано его особым подходом к философии. В целом австрийский мыслитель отрицательно относился к классической философии, понимаемую им как «мудрость», «глубокомыслие», «поиск априорных истин». Философствование в традиционном смысле Л. Витгенштейн характеризовал как интеллектуальную болезнь, которая захватывает сознание человека в случае, если тот теряет опору в обыденном языке. Вместе с тем можно заметить, что проявляемый Л. Витгенштейном устойчивый интерес к поискам надежной опоры для адекватного выражения собственных суждений можно сравнить с гносеологическими устремлениями классических мыслителей. Правда, в отличие от них Л. Витгенштейн обнаруживает основание языка не в метафизической сфере, а в сфере обыденного опыта, в «правилах следования», регулирующих способы употребления языковых выражений в определенных социальных контекстах. Иными словами, по Л. Витгенштейну, мы постоянно находимся и действуем на прочном онтологическом фундаменте – нашей повседневной жизни, и нам незачем тратить время, предпринимать рациональные усилия на логическое конструирование идеального языка, призванного разрешить бессмысленные вечные проблемы метафизики. Именно эта мысль захватила пытливые умы представителей Венского кружка, положивших начало неопозитивистскому движению в мировой философии.

Несмотря на то, что Л. Витгенштейн отверг большинство философских проблем как бессмысленные, но это не значит, что его собственное мышление не было проблемно-ориентированным. По словам Я. Хинтикки, «вероятно, не было другого такого философа, в ком мышление было бы такой суровой борьбой» [5, с. 17]. Не следует думать, что философские вопросы не беспокоили Л. Витгенштейна. Скорее он рассуждал о деятельности, которая достигает цели при прояснении интеллектуальной путаницы, являющейся основой философских трудностей: «Подлинное открытие заключается в том, что, когда захочешь, обретаешь способность перестать философствовать» [4, с. 131]. Возможно, Л. Витгенштейн имел в виду четкость и

ясность в наших рассуждениях, а это достигается через видение того, что ускользает во время философских дискуссий. «Способность перестать философствовать, когда захочешь» в этом случае не следует трактовать как способность прекращать философствовать вообще.

М. Хайдеггер: от логики к поэзии

Как и у Л. Витгенштейна, философско-мировоззренческая эволюция немецкого мыслителя М. Хайдеггера претерпела метаморфозу. Так, если первоначально в своих работах М. Хайдеггер призывал освободить логику от грамматики, то позднее в работе «Бытие и время» (1927 г.) он заявляет о необходимости осуществить обратный процесс, а именно, освободить грамматику от логики. М. Хайдеггер пришел к выводу, что логика не позволит полностью эксплицировать сущность нашего повседневного языка, поэтому нам нужно восстановить науку о языке на предельных онтологических основаниях. Согласно М. Хайдеггеру, аналитическая философия не сумела освободиться от «метафизического плена», поскольку не обратилась к изначальной интерпретации традиции, в которой укоренена логика суждений. «Предварительно надлежало лишь демонстрацией производности высказывания из толкования и понимания уяснить, что «логика» $\lambda\omicron\gamma\omicron\zeta\prime\alpha$ укоренена в экзистенциальной аналитике присутствия» [6, с. 160].

По М. Хайдеггеру, логический анализ не способен прояснить значение понятий без обращения к экзистенциально-онтологическому фундаменту языка, который располагается в речи. Тем самым философ подчеркивает приоритет речи в сравнении с отдельным высказыванием.

Правда, в отличие от Л. Витгенштейна, М. Хайдеггер сохраняет свое недоверие к обыденному языку. Следует обратить внимание на то, что исходное обращение немецкого философа к проблеме языка было связано с исследованиями вопроса о смысле бытия, с необходимостью открытия человеком значения его собственной экзистенции. При этом язык предстает у М. Хайдеггера как реальность, где явлена сущность человека как говорящего существа. Герменевтика, как истолкование того, что говорит сам язык, – вот, по убеждению М. Хайдеггера, единственный способ «прислушаться» к бытию. Язык не

продукт субъективной деятельности сознания, а «дом бытия» [7, с. 193]. Это означает, что язык только и дарует ту открытость, благодаря которой нам может быть явлено всякое понимание.

М. Хайдеггер не стремился сформировать какое-то новое представление о языке. Он полагал, что подобное представление послужит лишь расширению, дополнению известных воззрений о языке и окажется, в конечном счете, в одном ряду с традиционными, расхожими мнениями о языке, остающимися неизменными на протяжении вот уже 2,5 тыс. лет. Такое положение можно объяснить тем, что всякий раз, обращаясь к языку, исследователи стремились выявить то общее, значимое для любого языка, что М. Хайдеггер называет «сущностью», которая на деле оказывается не внутренней, а внешней характеристикой языка, как бы взглядом «извне» на лингвистический феномен, а не «изнутри» него. Поэтому размышления М. Хайдеггера посвящены тому, чтобы «научить жить в говоре языка» [8].

Традиционные представления о языке как звуковом выражении внутренних переживаний, как форме человеческой деятельности или образно-понятийном отражении задают, по мнению немецкого философа, спектр разнородных научных способов анализа языка. М. Хайдеггер не рассматривает их как ошибочные характеристики языка, возвращающие нас к исходным рубежам традиции. И все же подобные модели, полагает он, никогда не смогут «привести к языку язык как язык» [9], к пониманию того, что говорит язык, а не человек, в руках которого язык превращается в средство, инструмент. «Язык не просто передает в словах и предложениях все очевидное и все спрятанное как разумеющееся так-то и так-то, но впервые приводит в просторы разверстого сущее как такое-то сущее. Где не бытийствует язык – в бытии камня, растения и животного, – там нет и открытости сущего, а потому нет и открытости несущего, пустоты» [10, с. 103]. Язык есть место «свершения истины» как «сокрытости сущего». М. Хайдеггер осознает, что основная трудность при выборе правильного пути к языку связана с тем, что язык теснейшим образом переплетен с говором, речью. Люди, как правило, не проводят четкую границу между языком и речью (или

само это различие имеет в их сознании смутное представление), формулируют обобщенную характеристику о них как формах человеческой деятельности.

В отличие от Л. Витгенштейна М. Хайдеггер считает, что анализ языка следует начинать не с анализа слова, а с анализа значения, «ибо не слово, а значение выражает себя в слове в процессе истолкования понятия» [11, с. 96].

Поначалу кажущееся парадоксальным, почти абсурдным выражение «говорит язык» в действительности является не просто метафорой, а краеугольным положением хайдеггеровской концепции языка, глубокое обоснование которой философ проводит так, что вынужден постоянно балансировать на грани «невыразимого».

Решение формулы «привести к языку язык как язык» М. Хайдеггер осуществляет способом феноменологической редукции. Он четко осознает всю сложность выдвинутой им стратегии, отмечая при этом, что рассуждать о языке труднее, чем о молчании [12].

Суть языка в целом он именует «сказом», т. е. сказать – значит показать, обнаружить, ввести в несокрытость, дать увидеть, услышать. Именно эти характеристики «сказа» ведут его к сущности языка, к моментам языка как приводящие сущее к явленности. Анализируя структуру «сказа», М. Хайдеггер приходит к выводу, что суть показывания есть не человеческая деятельность, а явление («самопоказывание»): «Даже там, где показывание совершается речью, ему предшествует указывающее самообнаружение являющегося» [9, с. 16]. Язык говорит сам, потому что он сказывает, т. е. показывает, «обнаруживает налично сущее» во всех сферах бытия.

Таким образом, вместо понятия «язык» М. Хайдеггер употребляет понятие «сказ», а вопрос о сущности языка трансформируется у него в размышления о сущности «сказа», который является «способом проектирования бытия». Дорога к языку из чисто человеческой активности превращается в «событие» языка, что служит предваряющим условием возможности явленности наличного бытия. Эта дорога означает по существу движение к сути самого человека: «Событие дает человеку возможность сбыться, стать самим собой. Отсюда проделанный путь приводит язык (суть языка) как язык (сказ) к языку

(звучащему слову)» [9, с. 22]. М. Хайдеггер призывает нас ориентироваться на «чистый говор», т. к. именно в нем происходит завершение языка. «Чистый говор» философ обнаруживает в поэзии, которая собственно и составляет основание языка: «В говоре поэта пребывает язык. Это язык языка» [8, с. 16].

В результате язык истолковывается М. Хайдеггером не просто как средство коммуникации, система символических знаков или инструмент для выражения мыслей, а как образ мира, изображение самих вещей, онтология реальности [13, с. 23], обнаруживаемая в «говоре поэта».

Таким образом, реконструированное в данном исследовании понимание Л. Витгенштейном природы и назначения обыденного языка вполне согласуется с рассуждениями М. Хайдеггера о поэзии как онтологическом основании лингвистического феномена. Разочаровавшись в эксплицирующих возможностях формальной логики относительно прояснения сущности языка, Л. Витгенштейн и М. Хайдеггер пересмотрели свою раннюю позицию. Но итог проведенного ими переосмысления был различным. Так, если «поздний» Л. Витгенштейн, в конце концов, пришел к твердому убеждению, что обыденный язык есть метаязык, и что именно через анализ употребляемых слов обыденного языка в разных социальных контекстах можно прийти к правильному пониманию их значения, то «поздний» М. Хайдеггер продвинулся дальше этого и обнаружил сущность языка в поэзии. В результате *логика*, *обыденный язык* и *поэзия* могут рассматриваться нами как три автономных, самодостаточных уровня языка, причем каждый последующий уровень оказывается более значимым по отношению к предыдущему уровню. Возможно, все три уровня функционирования языка, выделенные этими мыслителями, синтезированы в человеческом сознании, поскольку они взаимно дополняют друг друга. Лишь при этом условии мы способны правильно понять онтологическую природу языка и его назначение.

-
1. *Sluga Hans D.* Wittgenstein. Oxford, 2011.
 2. *Apel K.-O.* From a transcendental-semiotic point of view / ed. by M. Papastephanou. N. Y., 1998.
 3. *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1 / сост., вступ. статья, примеч. М.С. Коз-

ловой; пер. М.С. Козловой, Ю.А. Асеева. М., 1994.

4. *Витгенштейн Л.* Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1 / сост., вступ. статья, примеч. М.С. Козловой; пер. М.С. Козловой, Ю.А. Асеева. М., 1994.
5. *Хинтика Я.* О Витгенштейне. *Витгенштейн Л.* Из «лекций» и «заметок» / сост. и ред. В.А. Суровцева. М., 2013.
6. *Хайдеггер М.* Бытие и время. М., 1997.
7. *Хайдеггер М.* Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993.
8. *Хайдеггер М.* Язык. СПб., 1991.
9. *Хайдеггер М.* Путь к языку // Онтологическая проблематика в современной западной философии. М., 1975.
10. *Хайдеггер М.* Истина и искусство // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М., 1993.
11. *Соболева М.* Философская герменевтика: понятия и позиции. М., 2014.
12. *Marino S.* Aesthetics, metaphysics, language: essays on Heidegger and Gadamer. Cambridge, 2015.
13. *Чернова Я.С., Медведев Н.В.* Философская герменевтика Поля Рикёра: монография. Тамбов, 2014.

-
1. *Sluga Hans D.* Wittgenstein. Oxford, 2011.
 2. *Apel K.-O.* From a transcendental-semiotic point of view / ed. by M. Papastephanou. N. Y., 1998.
 3. *Vitgenštejn L.* Logiko-filosofskij traktat // Vitgenštejn L. Filozofskie raboty. Ch. 1 / sost., vstup. stat'ja, primech. M.S. Kozlovoj; per. M.S. Kozlovoj, Ju.A. Aseeva. M., 1994.
 4. *Vitgenštejn L.* Filozofskie issledovanija // Vitgenštejn L. Filozofskie raboty. Ch. 1 / sost., vstup. stat'ja, primech. M.S. Kozlovoj; per. M.S. Kozlovoj, Ju.A. Aseeva. M., 1994.
 5. *Hintikka Ja.* O Vitgenštejne. *Vitgenštejn L.* Iz "lekcij" i "zametok" / sost. i red. V.A. Surovceva. M., 2013.
 6. *Hajdegger M.* Bytie i vremja. M., 1997.
 7. *Hajdegger M.* Pis'mo o gumanizme // Hajdegger M. Vremja i bytie. M., 1993.
 8. *Hajdegger M.* Jazyk. SPb., 1991.
 9. *Hajdegger M.* Put' k jazyku // Ontologičeskaja problematika v sovremennoj zapadnoj filosofii. M., 1975.
 10. *Hajdegger M.* Istina i iskusstvo // Hajdegger M. Raboty i razmyshlenija raznyh let. M., 1993.
 11. *Soboleva M.* Filozofskaja germenевtika: ponjatija i pozicii. M., 2014.
 12. *Marino S.* Aesthetics, metaphysics, language: essays on Heidegger and Gadamer. Cambridge, 2015.

13. *Chernova Ja.S., Medvedev N.V.* Filosofskaja hermenevtika Polja Rikjora: monografija. Tambov, 2014.

Поступила в редакцию 15.06.2015 г.

UDC 1 (4/9)

ABOUT THE ESSENCE OF LANGUAGE: THOUGHTS OF L. WITTGENSTEIN AND M. HEIDEGGER

Nikolay Vladimirovich MEDVEDEV, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor, Head of Philosophy and Methodology of Science Department, e-mail: philosophy.tsu@mail.ru

Ways of the solutions of an ontological problem of essence of language proposed by outstanding thinkers of the XX century L. Wittgenstein and M. Heidegger are reconstructed. The comparative analysis shows that L. Wittgenstein and M. Heidegger could open and philosophically prove the functional importance of three various measurements of the language formal and logical, ordinary and poetic each of which opens us possible borders of ontology of the world. The understanding of the nature and purpose of ordinary language will quite be coordinated by late L. Wittgenstein with late M. Heidegger's reasoning on poetry as the ontologic basis of a linguistic phenomenon. It is claimed that having been disappointed in the complicated opportunities of formal logic concerning clearing of essence of language, L. Wittgenstein and M. Heidegger reconsidered the early position. However, the result of the reconsideration which is carried out by them was various. If L. Wittgenstein came to the strong conclusion that ordinary language is some kind of meta-language and what exactly through the analysis of the used words of ordinary language in different social contexts and it is possible to come to the correct understanding of their meanings, M. Heidegger went further and found essence of the poetic diction. As a result the logician, ordinary language and poetry can be considered as three autonomous, self-sufficient levels of work of language where each subsequent level appears more significant in relation to the previous level. All three levels of functioning of language allocated with these thinkers have to be synthesized in our consciousness as they mutually supplement each other. It is only provided that we are capable of understanding correctly the ontological nature of language and its appointment.

Key words: L. Wittgenstein; M. Heidegger; essence of language; world ontology; logic; poetry; ordinary language.